

ГЛАВА 1

24 декабря

Снега было слишком много.

Нескончаемая метель накрыла город белым покрывалом и похоронила для большинства горожан надежды быстро добраться до дома. Где-то было тепло, а на столе ждал горячий ужин. Но большая часть работающего населения Тарасова уже как два часа сидела в машинах и троллейбусах, глядя с завистью на светящиеся в темноте окна квартир, хозяевам которых посчастливилось к этому моменту оказаться в тепле домашних стен.

В пять часов вечера ситуация перешла в разряд катастрофических. Снегоуборочная техника не справлялась. Мэрия выгнала на улицы все машины, которые были в наличии, но автомобильный поток наглухо встал, скованный пробками, словно вековым льдом.

Я, к сожалению, тоже еще была в пути. Моя машина почти уперлась капотом в зад автобуса номер девятнадцать и медленно ползла за ним

в плотном потоке по одной из центральных улиц по направлению к дому.

Страшно хотелось трех вещей: кофе (разумеется!), поспать и придумать для городского транспорта новую расцветку. Ярко-оранжевый корпус автобуса неимоверно раздражал. Возможно, этот жизнерадостный цвет был призван вызывать позитивные мысли у горожан, но явно не тогда, когда ты полчаса вынужденно пялишься на апельсиновую глыбу, периодически обладающую твою машину черным облачком несгоревшей солянки.

Я пыталась убедить себя не расстраиваться.

«Будь мудрее, Иванова. Найди в себе силы принять то, что не можешь изменить: зиму, предновогодние пробки, нечищенные дороги и этот оранжевый автобус, по периметру которого идет не менее раздражающая надпись: «Скидки! Скидки! Скидки!»

С тех пор, как муниципальный автопарк решил продавать борта автобусов рекламодателям, на тебя со все сторон прыгали эти «Нереальные скидки!» и «Сантехника по разумным ценам».

Я вздохнула и закрыла глаза.

Метель усилилась. Дворники на лобовых стеклах заработали с удвоенной скоростью. В тот момент, когда я уже хотела поставить машину на обочине и пойти домой пешком, телефонный звонок отвлек меня от грустных мыслей.

■ — Слушаю, — устало проворчала я в трубку.

— Добрый вечер, — послышался интеллигентный женский голос, очень мягкий и вкрадчивый, как будто его хозяйка заранее боялась меня обидеть неуместным вызовом. — Могу я услышать Татьяну Александровну Иванову?

— Можете, — ответила я, поерзав на месте. Пятая точка от долгого сидения онемела, и я почти перестала ее чувствовать. — Слушаю вас.

— Меня зовут Мария Павловна Одинцова. Мне, кажется, нужна ваша помощь.

— Кажется? — удивленно переспросила я. — Обычно клиенты более уверены в том, что им требуются мои услуги.

— Понимаете, — женщина на том конце замялась, — я не вполне уверена, что случилось что-то плохое, но проверить просто обязана. Скажите, вы свободны сейчас?

— Прямо сейчас? — испугалась я. — Прямо сейчас я еду домой.

— Нет, нет, что вы! Я имела в виду, в текущий момент у вас есть время и возможность заняться моим делом?

Я мысленно пролистала свой ежедневник. В принципе, нужды в этом не было: перед Новым годом я старалась закрыть все дела, чтобы встретить праздник — один из немногих, которые по-настоящему ценила, — в спокойной обстановке.

Дело о пропавшем ожерелье в семье бизнесмена Кропоткина было, считай, завершено —

осталось только сообщить жене, что ее муж оказался геем и подарил фамильную драгоценность своему любовнику.

Других заказов пока не было, но я и не стремилась их брать, решив провести предстоящие праздники в кругу друзей и, может быть, съездить в столицу на шопинг.

— Я не сильно занята, но праздники впереди, сами понимаете, — наконец сказала я.

— Пожалуйста. Найдите время встретиться со мной, — взмолилась женщина. По голосу я поняла, что она была в возрасте. — Может, я и надумала себе что-то. Но не могу спокойно спать, пока не удостоверюсь в том, что с сыном все в порядке.

— С сыном? — машинально переспросила я, сама не замечая, как уже погружаюсь в неизвестную мне историю.

— Да. У меня сын пропал. Или не пропал... Я не знаю и совершенно сбита с толку. В полиции сказали, причин для беспокойства пока нет, но я же мать...

— Хорошо, — ответила я, поскольку все уже решила, — я смогу встретиться с вами завтра. Первая половина дня вас устроит?

Мы договорились о встрече, и я, завершив разговор, бросила телефон на соседнее сиденье. Беседа обещала быть необременительной. Скорее всего, старушка что-то себе надумала и для успокоения нервов решила со мной поговорить.

Вряд ли этот разговор выльется во что-то серьез-

ное, но оставить бедную женщину наедине с ее тревогой я просто не могла.

Протяжный гудок вывел меня из размышлений — ряд машин продвинулся вперед, а я, задумавшись, застыла на месте, о чем нетерпеливый автомобилист сзади не преминул напомнить. Я подтянулась, моргнула обиженке аварийкой и включила радио. Заиграла веселая зарубежная песенка о Рождестве.

— *It's a most wonderful time of the year!*

Настроение немного улучшилось. В конце концов, скоро Новый год — сказала я себе. Что плохого может случиться в канун такого теплого и светлого праздника?

Оказалось, много чего...

* * *

Двумя неделями ранее...

Темнота съедала пространство. Темнота была повсюду. Он слышал глухое, хриплое дыхание жены рядом. Она уже успокоилась и перестала надрывно рыдать. Возможно, этому поспособствовал сильный удар по лицу, которым ее наградили минут двадцать назад. Она стихла и заплакала, а он из своего угла шептал ей ненужные, бессильные слова утешения.

Как это низко! Как это отвратительно!

Сейчас, когда они наконец остались одни, у него было время все осмыслить и успокоиться. Но еще полчаса назад все, о чем он мог думать — это

о том, чтобы остаться в живых. И о том, чтобы эти нелюди пощадили его семью.

Глаза понемногу начинали привыкать к темноте. Проступили очертания мебели: крупная массивная спина старинного шкафа, скелеты стульев у стола, витая рама зеркала.

Дочь тоже сидела рядом на одном из кресел. Похитителям хватило мозгов дать ребенку шерстяной плед. Он видел белеющие в сумраке колготки Лады и светлое брендовое платье, которое ей купили всего три дня назад.

Он позвал ее, и она откликнулась тихим голосом, севшим от страха.

Руки всем троим связали спереди.

Скоро все кончится. Он увезет семью в Барселону, и они забудут все произошедшее сегодня как страшный сон, который не имел к ним никакого отношения.

— Наташ, — позвал он жену, — милая, ты как?

Жена в ответ разразилась новой порцией беззвучных рыданий.

— Все будет хорошо. Я не допущу, чтобы с вами что-то случилось, — сказал он и сам понял, как глупо это прозвучало.

Все уже случилось. Они связаны и сидят в темной комнате, где пахнет плесневелой затхлостью, а батареи еле теплые. По каменной тишине за окнами, заклеенными черной бумагой, можно предположить, что они за городом. Ни звука, ни стука, ни шума электрички. Далеко от всех путей и дорог, далеко от людей.

Он смутно начал догадываться, где они находятся, и эта догадка ледяной рукой сжала ему сердце. Если дело обстоит именно так, как он думает, никому их не найти. Ни одной живой душе просто не придет в голову искать их здесь. И тогда придется полагаться на удачу. Хотя в то, что удача может оказаться на его стороне, верилось слабо. Кто же отпустит пленников, если они видели лицо своего похитителя и знают о его преступных намерениях? А они видели и знают.

Он вытянул ноги, пытаясь принять более удобную позу на нелепой банкетке, на которую его посадили, и в конце концов решил просто сползти на пол.

Лада тоже не стала сидеть на месте. Она слезла со своего кресла и в темноте осторожно подошла к матери, прижалась к ней и начала утешать.

В этот момент вся безнадежность их положения стала ясна. Он закрыл глаза, чувствуя, как холодный, омерзительный ужас заполняет каждую клеточку тела.

Им не выбраться.

* * *

25 декабря

Адрес, который мне продиктовала накануне Мария Павловна Одинцова, удивил — это была элитная новостройка, которая недавно воткнулась между аккуратными домами сонного исторического центра.

Пару лет назад, когда одному недобросовестному застройщику удалось выбить разрешение на ее строительство, она наделала много шума. Жители близлежащих домов устраивали многочасовые пикеты у здания мэрии, пытаясь не допустить возведения дорогой свечки, рушившей уютную прелесть старого района, но, разумеется, справедливости не добились. Чудо современной инженерной мысли, частично съев прекрасные дворики с яблоневыми садами, выросло в двадцать два этажа. Его обнесли высоким кованым забором, и в просторные квартиры с видом на старый патриархальный Тарасов въехали солидные жильцы. У местных жителей вид, наоборот, сильно испортился. Свечка нелепо вышалась над пышной зеленью окружающих садов и скверов, вызывая непристойные ассоциации. Не прошло и месяца после сдачи объекта, как злополучный дом обзавелся некультурным прозвищем.

Тарасовцы с удовольствием смаковали его, словно получая моральную компенсацию за поражение, а жильцы дома недовольно отмахивались. Зато у них потрясающий вид на реку, консерж на входе и гостиные — каждая величиной с небольшой концертный зал.

Подъезжая к «нехорошему» дому, я размышляла о том, кто же, собственно, моя клиентка. Судя по голосу, это была пожилая женщина. Во время разговора мне невольно нарисовался образ интеллигентной бабушки, учительницы му-

зыки на пенсии, но вряд ли служительница муз могла позволить себе такие хоромы. Стоимость квартир здесь, как и сама новостройка, стремилась за облака.

Подъехав к дому, я набрала номер таинственной клиентки, и она открыла ворота. Медленным, плавным движением они отъехали в сторону, пропуская меня на крытую гостевую парковку. Я припарковала машину между одинаковыми черными «Кайенами» и поднялась по ступеням к главному входу. Стены вентилируемого фасада тускло поблескивали в свете мягкого зимнего солнца. Пискнул домофон, и металлическая дверь тяжело открылась. Из подъезда вырвался теплый воздух.

На площадке первого этажа в стеклянной будке сидел консьерж — как жук в банке.

«Зачем тут консьерж? — подумала я. — С улицы сюда просто так не войдешь».

Словно подтверждая мои мысли о бесполезности его должности, усатый консьерж лениво скользнул по мне взглядом и вернулся к своему ноутбуку, где на экране негромко шла серия «Ментов». Рядом с дядькой исходил паром чай в грязноватой чашке и лежала упаковка таблеток от желудка.

— Здравствуйте, — кивнула я и пробежала мимо, к лифту.

Брови усатого флегматично дрогнули. Он промолчал, и я невольно подумала, что никогда в своей жизни не видела добродушного и улыб-

чивого консьержа, хотя жильцы за свои деньги явно имели право требовать чуть больше радушия.

Следуя инструкции, я поднялась на двенадцатый этаж.

Дверь квартиры сорок пять открылась мне навстречу сама — хозяйка ждала на пороге. Ею оказалась элегантная, изящная женщина в костюме шанелевского типа и с гладким пучком на затылке. Она была на каблуках, чем удивила меня несказанно.

Правда, оказавшись внутри ее квартиры, я поняла, что домашние тапочки тут абсолютно неуместны. Просторный холл был увешан картинами — старинными и, судя по всему, подлинными, как-то сразу чувствовалось, что хозяйка вряд ли опустила бы до копий, но размахистый импрессионистский стиль был узнаваем.

— Это Коровин, — сказала Мария Павловна, заметив мой интерес. — Не такие известные вещи, конечно, как в Третьяковке или в Русском музее, но не менее талантливые, на мой взгляд. Проходите в гостиную, я заварила нам чай.

Все еще слегка ошеломленная дворянским приемом, я разулась и прошла в комнату. Панорамные окна были обрамлены складчатыми шторами, напоминающими о концертной торжественности филармонии. На круглом столе невероятного размера стояли аккуратные чашечки из тонкого фарфора и чайник. К столу были подо-

двинуты кресла с плюшевыми бледно-лиловыми спинками. Помимо обеденной группы в гостиной стояло пианино, на котором стопкой громоздились нотные тетради. Стены и здесь были увешаны картинами, а одну из них подпирал изящный стеллаж от пола до потолка, весь уставленный книгами — судя по виду корешков, антикварными. Тут же, сердито подбоченясь круглыми ручками, стояли две огромные напольные вазы, а рядом — несколько больших статуэток, изображающих ангелов и пастушек. Весь этот сумбурный набор предметов был на удивление гармонично расставлен и не вызывал хаотичного ощущения музейного склада. Тут и там тяжелую классичность разбавляли горшки с комнатными цветами, фикусы и домашние пальмы. Телевизора нигде не было видно, да он в эту благородную компанию и не вписывался.

Разглядывая чудесную гостиную, я чувствовала себя ребенком, впервые попавшим в музей.

От Марии Павловны не укрылось мое изумление.

— Все гости, приходя ко мне впервые, поначалу испытывают похожее недоумение, — рассмеялась она мелодичным, почти девичьим смехом. — Ничего не могу поделать — люблю красивые вещи и хорошо себя чувствую в их присутствии.

Мы уселись за стол.

— Я не коллекционер, — сказала Мария Павловна, разливая чай в тонкостенные чашеч-

ки, — просто не могу устоять перед обаянием настоящего искусства.

— Вы, наверное, работник культуры? — спросила я.

— Я музыкант, — ответила моя собеседница, передавая сахарницу. — Правда, с концертной карьерой у меня не сложилось, и я всю жизнь преподавала в Тарасовском музыкальном училище. Обучала игре на фортепиано. Да и сейчас, на пенсии, даю уроки на дому.

Видимо, на моем лице слишком явно отразилось недоумение: такая роскошная квартира и ее богемная обстановка явно были не по карману простой учительнице музыки.

— Это все, — Мария Павловна обвела комнату взглядом, — от моего мужа. В девяностых он занялся ресторанным бизнесом, и дело оказалось довольно успешным. Про ресторан «Либретто» слышали, думаю.

— Конечно. — В памяти коротко мелькнуло воспоминание о тяжелых фарфоровых тарелках и классических люстрах, свисавших с потолка на цепях. В свое время «Либретто» очень любили выбирать для встреч богатые клиенты.

— Еще у нас сеть пекарен была. Но мужа не стало около года назад, и пекарнями теперь занимается партнер Ивана по бизнесу.

Над столом поплыл пряный аромат. Я почему-то так и знала, что чай будет травяным. Мария Павловна была похожа на человека, который при слове «кофе» недовольно морщится.

Конечно, я бы предпочла чашечку свежесваренной арабики, но это неудобство можно потерпеть.

— Итак, Мария Павловна, — начала я, решив не затягивать светскую беседу, — по какому поводу вы меня позвали?

Легкая улыбка исчезла с лица хозяйки, и она быстро кивнула:

— Да, вы правы, сразу к делу.

Она встала с места, прошла к изящному комоду, спрятавшемуся за гигантским фикусом у двери, и достала из ящика какие-то фотографии. Вернувшись к столу, она положила передо мной снимки приятной семейной пары с дочерью лет двенадцати.

— Это мой сын и его семья.

— Лицо знакомое, — сказала я, вглядываясь в изображение красивого мужчины средних лет.

— Мой сын — Олег Одинцов, владелец компании «Тарасов-транс». Вы, наверное, слышали об этом неприятном скандале, который разгорелся в последние несколько месяцев?

— Да, я в курсе новостей. Теперь понятно, откуда мне знакомо его лицо.

Олег Одинцов владел большей частью коммерческого транспорта в Тарасове. Уже больше десяти лет его автобусы, выкрашенные в голубой цвет, бороздили наш город во всех направлениях. На его долю приходились самые прибыльные маршруты, что в конце концов сильно осложнило жизнь конкурентам. Я не вникала ■

в суть конфликта, который разгорелся около полугода назад, но знала, что власти инициировали конкурс, на котором должно было состояться перераспределение всех имеющихся в городе маршрутов, а также упрощена транспортная сеть, которую уже давно критиковали за перенасыщенность.

— Олег всегда меня ограждал от этих грязных вещей, от политики и своего бизнеса, — сказала Мария Павловна. — Думал, я ничего не понимаю и только волноваться буду. Но я не слепая и не умственно отсталая. Кому-то не понравилось, что у него лучшие маршруты и лучшие автобусы в городе. Мне кажется, его похитили.

— Похитили? — удивилась я. — Вам поступали требования о выкупе?

— Да нет, боже. — Мария Павловна махнула рукой. — Если бы дело было в выкупе, я просто заплатила бы. Да он сам заплатил бы! Нет, дело в другом. — Женщина сокрушенно опустила голову и покрутила свою фарфоровую чашечку. — Наверное, это как-то связано с его бизнесом.

— Почему вы думаете, что имело место похищение?

— Он не берет трубку уже много дней. Дома никого нет. Его жена и дочь тоже не отвечают. Такого никогда раньше не бывало.

— Они могли уехать куда-нибудь, — неуверенно произнесла я. — Почему вы исключаете такую возможность?

— Уехать и ничего не сказать мне? — возмутилась Мария Павловна. — Вы просто не понимаете. Мы с сыном очень близки. Созваниваемся обычно каждый день. Я часто приезжаю к ним в гости. Лада — это моя внучка — постоянно гостит у меня и тоже пишет каждый день. А позавчера был день рождения невестки Наташи. Мы планировали большой праздник, но накануне от нее пришло сообщение, что она заболела и торжества отменяются.

— И что в этом странного?

Мария Павловна посмотрела на меня как на дитя неразумное:

— Написать эсэмэс и не позвонить? О таких вещах в эсэмэске не пишут, неужели непонятно?

— Мария Павловна, — мягко произнесла я, пытаясь успокоить женщину, на глазах которой уже выступили слезы, — поймите меня правильно. Контакт с вашими родственниками, насколько я понимаю, полностью не потерян. Они вам пишут. Нельзя исключать того, что с ними все в порядке. Может, ваши близкие действительно заболели и им тяжело разговаривать.

— В полиции тоже так сказали, — грустно ответила Мария Павловна, — но я знаю: что-то не так. Они просто пару раз написали короткие послания, а от встреч уклоняются.

— Мария Павловна, простите за вопрос, но, может, они просто за что-то на вас обиделись?

— Да на что? Нет, говорю вам, мы не ссорились совершенно. У нас отличные отношения. — Женщина, опершись руками о стол, обхватила ладонями лоб. — Я написала каждому, что схожу с ума от волнения, и никто из них не отреагировал. Этого просто никогда бы не случилось. Пожалуйста, попробуйте узнать что-нибудь! Я же не прошу заниматься благотворительностью — оплачу вашу работу как полагается.

Что-то в ее тревожном голосе меня зацепило. Если отношения у Марии Павловны и ее сына действительно были такими близкими, как она говорит, то это «радиомолчание» и в самом деле выглядело странным. Тем более женщина не производила впечатление истерички, готовой удариться в панику от любой чепухи.

— Хорошо, — кивнула я, — проверить в любом случае не помешает. Теперь расскажите подробнее, когда ваш сын перестал выходить на связь и что было накануне.

Мария Павловна кивнула и, немного успокоившись, начала рассказывать.

12 декабря она проснулась с жуткой головной болью и позвонила сыну, чтобы попросить его привезти лекарство.

— Понимаете, — сказала моя собеседница доверительным тоном, — после смерти мужа я живу одна, а болею редко. У меня не очень много лекарств, потому что я не люблю принимать таблетки по любому поводу. У моих подруг аптечки помещаются в дорожных чемоданах, а я

вот предпочитаю народные методы: чай, настои трав, медитацию. В большинстве случаев это помогает и от головной боли, и от давления, и от нервов. Но в этот раз голова болела так сильно, что пришлось вспомнить о фармакологии. Я позвонила сыну, и он не взял трубку. Тогда я позвонила невестке, потом внучке — никто не ответил. Мне подумалось, может, они все на каком-то мероприятии, и я особо волноваться не стала. Заказала таблетки в интернет-аптеке и написала сыну, чтобы перезвонил. Но он, как вы понимаете, не перезвонил.

Мария Павловна попыталась связаться с сыном еще раз, потом на следующий день, и все безрезультатно. На третий день она села в машину и поехала к дому сына.

— Там никого не оказалось. Обе машины — его и Наташина — стояли под навесом. На мои звонки так никто не ответил. Попасть на территорию дома не удалось, потому что ключа от входной калитки у меня нет. Сколько раз говорила Олегу — дай мне запасной ключ, мало ли что! Но нет — Наташа была против. Считала это вторжением в их частную жизнь. Ключи мне привозили, только когда семья сына отправлялась в отпуск. — Мария Павловна обиженно поджала тонкие, тронутые неброской помадой губы. — В общем, я побродила немного по периметру, рассмотрела дом. Было понятно, что там никого нет. Знаете, от пустого дома веет таким пронзительным холодом, что всегда понят-

но, что он пустой. Мне нехорошо стало от этой пустоты. Все показалось таким зловещим, и я заволновалась по-настоящему, вернулась домой, обзвонила всех знакомых, с которыми они общались. Их никто не видел. Лада уже давно не ходит в школу — я связалась с классным руководителем, и та сказала, что девочка болеет. Мол, ей родители написали. Я, как это услышала, бегом побежала в полицию, но заявление принять они отказались — сказали, связь с людьми есть.

— Даже не засомневались? — спросила я.

— Нет. — Мария Павловна замялась и затеребила край вышитой льняной салфетки. Я видела, что она о чем-то не решается сказать.

— Говорите, я должна знать все.

— Когда я была в полиции, мне пришло сообщение от Олега: «Мама, все в порядке. Мы болеем. Не хотим тебя заразить». Пришлось показать ее сержанту. Конечно, он не принял никакое заявление.

— Несмотря на это сообщение, вы по-прежнему уверены, что случилось что-то нехорошее?

— Да, именно из-за этого сообщения и уверена! Никогда такого не было — заболели и не отвечают, трубку не берут, сами не звонят. Раньше всегда звонили, объясняли. Они же знают — я беспокоюсь! А тут такое безликое сообщение. Не «мамулечка», не «мамочка», никаких деталей.

■ Это просто на него не похоже, поймите! Мое ма-

теринское сердце чувствует, что тут что-то не так! — Мария Павловна всплеснула руками. На пальцах сверкнули матовым блеском дорогие тяжелые кольца. — Ну как вас убедить?

Я мягко улыбнулась:

— Вам не нужно меня убеждать. Я делаю то, за что платят. Если вы хотите проверить, все ли в порядке с сыном, — это ваше право. Расскажите мне немного о нем и его семье.

— Олег... он... не знаю, с чего начать, — женщина растерянно развела руками. — Двадцать пять лет назад окончил институт по специальности «Организация перевозок и управление на транспорте». Потом работал в разных компаниях, пошел в гору. Долго был финансовым директором в одной компании, которая занималась перевозками в Новосибирске. Потом вернулся в Тарасов и открыл тут свою компанию. Купил автобусы, развивал сеть. Что еще сказать? Женится давно, когда только-только вернулся в город. Наташа работала в банке, а после рождения Лады ушла с работы. Сейчас домохозяйка. Дом у них в коттеджном поселке Тихий — на выезде из города. Ну, вы о нем знаете, наверное. — Я кивнула. — Детей, кроме Лады, нет. У Наташи были какие-то проблемы после родов, она не вдавалась в подробности. Ну вот, собственно, и все. Нормальная, дружная семья.

— Вы не обижайтесь, но я должна спросить: у вашего сына были какие-нибудь отношения на стороне?

Мария Павловна отреагировала на удивление спокойно:

— Думаю, да. Мы же в современном мире живем, я уже приняла это. Не подумайте, Олег не гуляка какой-нибудь, — поспешно добавила она, — но мне известно, что какая-то барышня для встреч у него была. Я с ней не знакома, но друзья, думаю, в курсе.

— А жена?

— Жена не знает, это точно. Наташа — особа трепетная. Узнала бы — ушла бы в ночь с ребенком или выкинула еще какой-нибудь номер. Я всегда Олега предупреждала — не делай глупостей, будь осторожен.

Я мысленно усмехнулась, представив, как старушка-мать учит своего великовозрастного сына грамотно изменять жене.

— Я не могу утверждать категорично. Сами понимаете — о таком особо не распространяются. Даже матери не расскажешь всего. То, что год назад отношения на стороне у Олега были, я знаю. Но продолжают ли они по сей день — не уверена. А какое это имеет значение? Вы же не думаете, что он сидит у какой-нибудь девицы все эти дни?

— Нет, конечно, — ответила я. — Тем более что это никак не объясняет того, куда пропали ваши невестка и внучка. Но любовницам иногда рассказывают то, что не рассказывают родным и близким. Если эта женщина встречается с вашим сыном до сих пор, она может что-то знать.

Мария Павловна не ответила, только молча кивнула.

— Вам виднее. Правда, я не знаю, как вам помочь ее найти.

— Хорошо. Мне потребуется эта фотография. — Я помахала снимком счастливого семейства.

— Да, конечно.

— Я верну, разумеется. А еще напишите мне точный адрес Олега и имена близких знакомых семьи, которые могут знать, где они.

— Да я же всех уже обзвонила, — вздохнула убитая горем женщина.

— Все равно напишите. Они могут сказать мне что-нибудь, чего вам не сказали, или вспомнить какие-то факты после вашей беседы.

— Хорошо, хорошо, я все напишу. Только выясните, бога ради, что происходит!

* * *

Я вышла от Марии Павловны с длинным списком имен, адресов и фамилий. Также по моей просьбе она переслала мне все сообщения Олега, его жены и дочери, поступившие за последние две недели.

Прежде всего надо было уложить в голове всю информацию, полученную от клиентки, поэтому я, выехав на улицу, свернула на центральный проспект и через пять минут припарко-

валась у одной из кофеен, во множестве расплодившихся в исторической части города.

Кафе «Турандот» было самым популярным этой зимой — оно открылось совсем недавно и уже успело прославиться своими десертами и вкусным натуральным кофе. Я никогда не была завсегдатаем ресторанов, но здесь действительно подавали лучший кофе в городе, поэтому мне нравилось иногда сюда заглядывать.

Несмотря на рабочий день, в заведении толпилось много народу. Царило оживление, которое бывает только в предпраздничные дни. Звенели ложечки в фирменных чашках с восточным рисунком, звучал смех, а из динамиков лилась легкая рождественская музыка, наполнявшая душу теплом и хорошим настроением.

Свободных столиков не было — пришлось сесть у барной стойки. Бармен поставил передо мной пурвер — с некоторых пор я прониклась альтернативными способами заваривания кофе. Увидев, что я выкладываю на стойку стопку листов, он подвинул салфетницы, расчистив для меня место на довольно узкой стойке. Я благодарно улыбнулась и погрузилась в чтение.

Первыми в списке шли имена секретаря и заместителя Олега Одинцова. Следом Мария Павловна обозначила имена ближайших друзей семьи. Несколько фамилий были мне знакомы: бизнесмен Липкин, который один раз даже пользовался моими услугами, и журналист главного новостного портала города.

Вчитавшись в длинный перечень имен и телефонов, я невольно улыбнулась: взволнованная мать вписала сюда даже данные семейного доктора Одинцовых, классной руководительницы Лады и адрес косметического салона, который посещала Наташа, жена Олега. Опрашивать всех — уйдут годы, да и не было в этом никакой нужды. Начать следовало с близких друзей и знакомых, а также коллег.

«С коллег, пожалуй, в первую очередь, — подумала я. — С друзьями можно неделями не общаться, а бизнес без внимания не оставишь».

Но прежде всего нужно понять, стоит ли вообще привлекать всех этих людей. Иными словами, требуется посетить резиденцию Одинцовых.

Я искренне надеялась, что транспортный воротила Тарасова чудом окажется дома, и я со спокойной душой буду готовиться к празднику, а не бегать по городу, пытаясь лихорадочно опросить всех его знакомых.

Как будет здорово успокоить встревоженную заказчицу! Потому что, если она права, дело могло обернуться плохо. Похищение и убийство идут рука об руку. А если учесть, что пропала вся семья, на благоприятный исход оставалось мало шансов.

— Ни сна, ни отдыха измученной душе? — вдруг раздалось над ухом. — Татьяна, праздники на носу, а ты бумажками обложилась!

— А? — вздрогнула я, поднимая голову от записей.

Рядом стоял мой давний знакомый и улыбался во весь рот.

— Валька! — воскликнула я и убрала сумку с соседнего стула. — Падай!

Валька Черных был моим давним приятелем — в детстве мы жили в одном доме, а в школе учились в параллельных классах. Валька работал в какой-то компании сотовой связи, а также подрабатывал программистом. Мы не встречались уже пару месяцев, и я была искренне рада увидеть раскрасневшуюся на морозе родную физиономию.

— Двойной эспрессо, — попросил он у бармена и уселся рядом, с трудом убрав свои длинные, как у кузнечика, ноги под узкую стойку.

В Вальке было почти два метра роста, и в детстве он доставал для всей дворовой детворы мячи, застрявшие на дереве.

— Ты все так же хорош! — искренне восхитилась я.

Валька был умопомрачительно красив. Русые вихры живописно падали на лоб, глаза были пронзительно синими, а контур губ изящно выгнут капризным «луком». Удивительно, что при этом я за все годы нашего знакомства умудрилась ни разу в него не влюбиться.

— Замерз?

— Еще бы! Все утро мотался по городу. Вот, заскочил кофейку бахнуть. А ты что, работаешь?

— Работаю, — вздохнула я, и тут меня осенило, как использовать эту нечаянную встречу. — Слушай, сотовая связь — это же по твоей части?

— По моей, — кивнул Валька и жадно поглядел на стойку с пирожными. — Может, испортить аппетит перед обедом и съесть фирменный эклер? Как думаешь?

— Обязательно съешь, — ответила я. — А пока будешь наслаждаться сладким, проконсультируй меня.

— Ну, спрашивай, — засмеялся Валька. — Чем могу быть полезен частному сыску?

— Вот скажи, милый друг, если человек пропал, но посылает эсэмэски, можно каким-нибудь образом отследить его местоположение?

— В некоторых телефонах есть функции и приложения для отслеживания.

Я скептически покачала головой. Мария Павловна уже воспользовалась бы таким приложением, если бы оно было у нее установлено.

— Допустим, таких нет.

— Если нет, то можно установить радиус нахождения. Телефон посылает сигнал через вышки сотовой связи. Правда, этот радиус может оказаться очень широким.

— Это ничего, мне хотя бы примерно нужно знать. Не окажешь услугу?

Бармен поставил перед моим другом тарелку с эклером, политым малиновой глазурью. Валь-

ка откусил кусочек и закатил глаза от удовольствия. Он был известным сладкоежкой.

— Ну как? Согласен? — нетерпеливо спросила я.

— Слушай, мы это делаем только по запросу из полиции, извини, — запротестовал Валька. — И вообще, что ты за человек! Как можно говорить о делах, когда тут такая красота на блюде!

— Ну Валек! — захлопала я ресницами, призывая на помощь все свое обаяние. — Черт с ним, с твоим эклером! Неужели нет способа тихонечко проверить?

Валька недовольно нахмурился.

— Ну, я могу, конечно, но, если узнают, мне по шапке здорово дадут.

— Валечка, родненький, ну сделай. Мне очень надо! Я — могила, от меня никто ничего не узнает.

— Я и не беспокоюсь, что кто-то узнает от тебя. Я беспокоюсь, что кто-то ПРОСТО узнает, — ответил он с набитым ртом, роняя крошки. Каждую из них он пальцем собрал со стола.

Я молча посмотрела на парня, по-прежнему выразительно хлопая ресницами.

— Ладно, — пробурчал он, отводя взгляд, — но ты будешь мне должна!

Я расхохоталась:

— Надеюсь, не выйти за тебя замуж?

— Такие жертвы не потребуются. — Валька

с наслаждением закинул в рот последний кусочек пирожного.

— А что тогда?

— Купи мне лучше еще один эклер. Они тут жутко дорогие!

ГЛАВА 2

Расставшись с Валькой (пришлось купить ему целых два эклера), я села в машину и набрала в навигаторе адрес Одинцовых.

Путь был неблизким. Поселок Тихое формально уже десять лет числился в городской черте, но находился, разумеется, на самой окраине Тарасова, и мне предстояло пересечь весь город по плохо чищенным (привет коммунальным службам) дорогам.

Как раз когда я завела мотор, из низких грязно-белых облаков хлопьями повалил липкий снег.

— Черт!

Медленно отъехав от обочины, я влилась в сонный автомобильный поток. Широкий проспект был забит транспортом — большей частью из-за того, что первую полосу почти наполовину «съел» сгруженный снег, который никто не возил.

Включив негромко радио, я углубилась в размышления.

Если в самом деле имело место похищение, то кому и зачем это могло понадобиться? Конкурентам? В таком случае, почему его именно

похитили, а не убили? А может, дело вовсе не в бизнесе? Ведь человек мог вляпаться в любую другую нехорошую историю.

Года два назад я расследовала дело с исчезновением семейной пары. Тогда тоже речь поначалу шла о проблемах с бизнесом. Но в итоге оказалось, что в дом вломились грабители и в ходе завязавшейся борьбы просто убили хозяев, а тела вывезли в лесополосу.

У меня неприятно засосало под ложечкой. Не хотелось бы такого печального продолжения для Одинцовых. Тем более что на носу праздник, как неоднократно уже напомнил диктор по радио, и мне совсем не улыбалось трагической историей завершить уходящий год.

В скандал, которым сопровождалась реформа городского транспорта, я до сих пор не вникала. Знала, что за денежные маршруты идет нешуточная борьба, но в детали не углублялась. Теперь придется этим заняться. Если, конечно, к тому моменту, как я приеду к дому Одинцова, он не объявится сам.

Я посмотрела на дорогу и поняла, что уже десять минут торчу у перекрестка, не сдвинувшись ни на метр. Автомобильные гудки оглашали улицу. Кто-то особенно нетерпеливый без конца сигналил прямо у меня за спиной. Через пять минут у меня разболелась голова, потому что гудки охватили уже всю улицу. Некоторые начали выходить из машин в попытках вы-

яснить, почему на оживленной улице движение встало намертво.

С трудом я втиснула свой автомобиль между двумя припаркованными машинами у обочины и тоже вышла посмотреть.

Разгадка таинственной пробки оказалась не-подалеку: метрах в ста от меня два автобуса перегородили движение. Около них уже начал скапливаться недовольный и любопытный народ. Очередной водила около меня нажал на гудок и долго не убирал руку. Я разозлилась и стукнула ему в стекло.

— Чего гудишь? Думаешь, все впереди тебя просто забыли нажать на газ?

Дядька нахмурился и отвернулся.

Я прошла до затора и увидела, что автобусы заблокировали проезжую часть намертво, не оставив никакой лазейки даже для самой маленькой легковушки.

— Авария? — спросила я у стоящего рядом мужичка.

— Не, — лениво протянул дядька, потягивая сигаретку, — бастуют.

— Бастуют? — удивилась я. — А чего хотят?

— Да черт его знает, — ответил мужик и выругался. — Сказали, акция протеста.

— Ясно, — прошептала я и протиснулась еще поближе.

В автобусах сидела куча народу. Люди выглядывали из окон и казались немного напуганными, словно не ожидали, что привлекут столько

внимания. Водители развалились на своих сиденьях и делали вид, что происходящее вообще не имело к ним отношения. Между автобусами носились два человека с громкоговорителями, которые, когда я подошла, велели сидящим внутри достать плакаты. В окнах замелькали большие листы с напечатанными крупно лозунгами. «Мы не монополисты!», «Мы против рейдерского захвата!», «Остановите беспредел!». Люди изнутри прикрепляли плакаты к окнам, и в итоге все лица скрылись за кричащими надписями.

Водители, окружившие автобусы, начали возмущаться:

— Мы-то тут при чем? Уберите транспорт с проезжей части!

— Да где полиция, черт возьми? — возмутилась девица в норковой шубе, которая вылезла из огромного внедорожника, сияющего красным лаком. — Долго нам еще тут стоять?

Я увидела подползающую с другой стороны улицы машину местной телекомпании и набрала номер своего давнего приятеля, подполковника полиции Кирьянова Владимира Сергеевича.

— Внимательно слушаю, — бодро отрапортовал он, взяв трубку на втором гудке. — Только быстро, а то я убегаю.

— Кирьянов, а разгонять бастующих — это не по твоей части?

— Нет, — засмеялся Владимир Сергеевич. — Ты про этих дурачков из «Тарасов-транса»?

М. Серова

Я ушам своим не поверила.

— Это «Тарасов-транс» устроил?
— Да. Наши уже туда едут.
— Тут и телевидение подтянулось. Вот скажи, почему они вас вечно опережают?

— Так телевизионщики наши частоты слушают. Погоди, ты что, прямо на месте событий?

— Ага, — ответила я, — ехала мимо и застряла в этой пробке. Они же полностью перекрыли проезжую часть.

Кириянов посерьезнел:

— Как это ты умудряешься всегда быть в центре событий?

— Кстати, о событиях, — осторожно начала я, пробираясь ближе к тротуару, чтобы гуденье возмущенной толпы не мешало разговору. — Ты вообще в курсе, что происходит с нашим транспортом? В чем суть конфликта?

— Смутно, — ответил Кириянов. — Пока там никого не убили, вся эта заварушка не по моей части. Но мой дружок из антимонопольной службы говорит, что конфронтация довольно серьезная. Похоже, у «Тарасов-транса» хотят забрать жирный кусок бизнеса.

— Твой дружок может со мной поговорить?

— Танька, — вздохнул Кириянов, — почему ты спрашиваешь? Ты что, успела ввязаться в эту разборку?

— Можно и так сказать, — уклончиво ответила я. — Пока не знаю.

— И по какую сторону баррикад?

— Говорю же, не уверена, что у меня вообще есть дело, — огрызнулась я. — Ты дашь мне поговорить со своим приятелем?

— Приятель не слишком разговорчив, но я попробую устроить тебе встречу, — ответил Кирьянов после некоторого раздумья.

В это время вдалеке послышался вой полицейских сирен.

— О, слышу родные звуки, — обрадовался Кирьянов в трубке. — Видишь, не так уж твои телевизионщики нас опередили.

Я вздохнула, еле сдержав смех.

— Журналистам хотя бы хватило ума подъехать с другой стороны. Твои бойцы в пробке гудят.

Владимир Сергеевич недовольно и, как мне показалось, смущенно кашлянул.

— Ладно, позвони мне, если твой друг захочет поделиться информацией. Скажи, что наша беседа будет носить конфиденциальный характер, и я никому не проболтаюсь.

— Хорошо, — пообещал Владимир Сергеевич и отключился.

Я убрала телефон в карман куртки и подошла к одному из чудил с красным мегафоном.

— Простите, а акция одобрена вашим начальством или это собственная инициатива сотрудников?

Парень, замотанный шарфом по самые ноздри, удивленно на меня воззрился.

■ — Начальство и организовало эту акцию. Но

мы полностью солидарны с руководством. Это форменный беспредел и преступление в отношении компании «Тарасов-транс».

— Что именно? — спросила я.

— Как что? Действия конкурентов и властей, которые идут у них на поводу. А вы из прессы?

— Да, — быстро ответила я, делая вид, что ищу удостоверение. — Можно поговорить с вашим начальством?

— В данный момент нет, — покачал головой парень. — Поговорите со мной и нашими работниками. Мы вам все расскажем.

— А Олег Юрьевич? Сами понимаете, мне интересен комментарий от владельца компании. Ну или хотя бы от его заместителей.

— Он сейчас в отъезде, и заместители тоже, — устало ответил парень. — Но мы на связи и получаем инструкции от руководства по телефону.

Парень поправил шарф, щекотавший ему нос, и я вдруг увидела, как он молод.

— А вы, простите, кто?

— Я из пресс-службы, — ответил он.

— Как вас зовут?

— А вам зачем?

— Леша! — раздалось у автобуса. Девушка с таким же мегафоном замахала парню рукой: — Иди сюда!

— Извините, мне надо идти. Мы дадим комментарий прессе, когда соберутся представители всех телекомпаний, чтобы не разговаривать с каждым по отдельности.

И молодой человек, прижав к боку мегафон, который, очевидно, устал держать, побежал в сторону одного из автобусов.

Я хотела посмотреть, как полиция будет разбираться с протестующими, но глянула на часы и поняла, что если застряну здесь, то не успею сегодня добраться до дома Одинцовых. Проверив, что машина припаркована по всем правилам и никому не мешает, я свернула на боковую улицу и пошла по направлению к другому оживленному проспекту, где на удивление быстро поймала такси.

Пока мы ехали и седой усатый водитель крутил ручку магнитолы в поисках нешипящей волны, опять пошел снег. Начавшись легко и невесомо, он быстро вырос до крупных хлопьев и стеной повалил так, что скорость движения в разы упала. Мы ползли на старом «Опеле» по направлению выезда из города, и все это время я размышляла о деле, хотя очень хотелось подумать о чем-нибудь другом.

Пролистав новостную ленту в телефоне, я увидела, что «Тарасов-транс» устроил забастовку с перекрытием еще на двух больших улицах.

Таксист вовремя увидел пробку в навигаторе и, тихо выругавшись, поехал в объезд.

— Дебилы! — хмыкнул водитель, глядя в навигатор.

Я подняла голову от экрана телефона.

— Что?

— Дебилы, говорю. — Усатый полуобернул-

ся ко мне, не отрывая взгляда от дороги. — Чего добьются таким образом? Только разозлят всех. Новый год на носу, люди торопятся, спешат, а они перекрывают дорогу и думают, что им посочувствуют. Кто?

Я неопределенно кивнула и задумалась: а действительно, почему Олег Одинцов пошел на такие странные меры? Чем выгоден этот бунт для компании, которая, по имеющейся информации, участвует в конкурсе, организованном властями?

Да, возможно, как сказал Кирьянов, у «Тарасов-транса» пытаются отжать хороший кусок рынка, но у них остается возможность выиграть конкурс на законных основаниях. И в этом случае участие в мероприятии, которое заблокировало транспортный поток, может аукнуться компании санкциями или вообще исключением из конкурса. Это же риск. Так ради чего было затеяно это сомнительное действо?

В таких противоречивых размышлениях я просидела всю дорогу, пока такси, чихнув на последнем повороте черным облачком, не выехало на узкую, застроенную красивыми особняками улицу.

* * *

Машина остановилась у кованых ворот, за которыми асфальтовой лентой шла широкая подъездная дорожка к двухэтажному дому из светлого клинкерного кирпича.

— Спасибо!

Я расплатилась с таксистом, который что-то добродушно пробурчал в седые мохнатые усы и уехал, оставив меня одну на безлюдной улице.

Картинка вокруг была похожа на рождественский фильм. В сумерках округа наполнялась огнями. Деревья, облепленные снегом, как статуи застыли в морозном воздухе. А дом, который находился за оградой, очень напоминал дом Кевина Маккалестера из любимой комедии «Один дома» — классический, со множеством окон, увитый новогодними гирляндами, которые сейчас были выключены. Горела только автоматическая подсветка у крыльца, освещающая ближайшую тую, на которой кто-то заботливой рукой вывесил большие елочные игрушки.

То, что дом пуст, было понятно с первого взгляда. В окнах — ни огонька. Дорожка, ведущая от калитки к дому, покрыта нетронутым слоем снега. На низком крыльце нанесло небольшой сугроб, а из почтового ящика, прикрепленного снаружи к ограде, торчит пачка бумаг.

Я подошла поближе и вынула несколько листков — рекламные листовки, счета, бесплатные газеты. Удивительно, что распространители доезжают до этих улиц! Макулатуры было достаточно, чтобы понять — почту не забирали несколько дней. Ни один хозяин не допустил бы, чтобы почтовый ящик давился переполнявшими его бумагами.

Засунув все обратно, я пошла вдоль ограды. Дома на противоположной стороне улицы прятались за высокой глухой стеной. На своей стороне дом граничил слева с небольшим коттеджем, но обзор его обитателям также был загорожен — многочисленными хозяйственными постройками у забора и большой беседкой для барбекю. Мысленно я чертыхнулась. Ближайшим соседям вообще не было видно, что происходит на участке у Одинцовых. А справа соседи вообще отсутствовали — особняк владельца «Тарасов-транса» стоял первым на улице. С этой стороны ограды было чистое поле, заметенное снегом. Тут и там виднелись заросли неизвестного кустарника, тянущиеся до самой трассы, ведущей к городу.

Я с сомнением посмотрела на свои замшевые сапоги. Жалко, конечно, лазить в них по сугробам, но ничего не поделаешь.

Медленно переставляя ноги, проваливаясь по колено в снег, я двинулась вдоль забора. Дом молча смотрел на меня слепыми темными окнами. Ни души!

Снег быстро проник в голенища, стало противно мокро. Я обошла территорию особняка сзади. Окна, выходящие на поле, тоже были темны. На ветках сиреневых кустов, подходящих к карнизам первого этажа, недвижно лежали крупные шапки снега.

Пробираясь в сугробах, я медленно осмотрела всю ограду на предмет повреждений. Нет, все ■

было цело. Перелезть через нее, правда, особого труда не составило бы, но кованые прутья поднимались довольно высоко, и тот, кто попытался бы это сделать, рисковал привлечь внимание. Я вернулась к калитке.

К этому моменту почти окончательно стемнело. На фоне почерневшего морозного неба дом с темными окнами выглядел особенно печальным и покинутым.

Я устала на запертую калитку, пытаюсь понять, куда делись его обитатели. Может, слегли от болезни, а помощь вызвать не успели? На душе стало неприятно и тревожно. Предчувствие чего-то нехорошего закралось в сердце.

От хмурых размышлений меня оторвал телефонный звонок.

— Владимир Сергеевич, категорически вас приветствую, — ответила я, увидев знакомое имя, высветившееся на экране.

— Танька, что случилось?

— А почему ты думаешь, что что-то случилось? — удивилась я.

— А ты таким голосом разговариваешь, только когда что-то случается.

— Нормальный голос, — буркнула я. Все-таки если друзья тебя знают как облупленную, это немного раздражает. — Я просто на улице и замерзла.

— Ладно. Я что звоню — мой человек из
■ Антимонопольной службы может с тобой пере-

сечься завтра в районе обеда. В два часа устроит тебя?

— Устроит, отлично, — горячо поблагодарила я. — Спасибо, что так быстро договорился.

— Не за что. Единственное, он просит без всяких звукозаписывающих устройств, и, разумеется, его имя нигде не упоминать. Я серьезно, Тань.

— Конечно, Володь, я же не дура и с источниками работать умею. Все будет строго конфиденциально. Дашь номер телефона?

— Нет, телефон он просил не давать. А встречу назначил в закусочной «Кебаб» у рынка, знаешь? Он там обедает обычно.

— Знаю эту закусочную. С виду обрыгаловка, а кормят вроде неплохо.

— Да, это она.

— И как я узнаю твоего товарища?

— Он будет в костюме Губки Боба.

— Кирьянов!

— Шучу. Полный такой, в красной куртке, не проморгаешь.

Я попинала кирпичную опору столба.

— Звать-то его как?

— Алексей.

— Ну, хорошо, что не Мистер Икс. Кирьянов?

— А?

— А вот если есть вероятность, что с условно существующими людьми случилось что-то условно плохое, можно ли пробраться в условно пустующий дом и осмотреться?

Владимир Сергеевич кашлянул.

— Так. Иванова. Какую такую условную пакость ты там задумала?

— Никакую. — Я снова уставилась на дом за оградой. Мне почудилось какое-то движение за шторой в окне первого этажа. — Условно никакую.

— Слушай сюда, — суровым тоном заговорил мой друг. — Если говорить условно, то мало тебе не покажется, так что даже из головы выкинь. Лучше расскажи наконец, что происходит? Это как-то связано с тарасовским транспортом? Во что ты там, черт возьми, ввязалась?

— Успокойся, — сказала я самым веселым тоном, на который была способна. Если Кирьянов разойдется в нравоучениях, его уже не остановить. — Я ничего не собираюсь...

В этот момент мой взгляд зацепился за что-то интересное. Какой-то белый шнурок висел на кованой декоративной загогулине на калитке. Я присела и потянула за него. Из снежной шубы, в которую концом уходил этот шнурочек, вытянулся брелок с красивым металлическим цветком, на котором висели тяжелый зубастый ключ и «таблетка» от магнитного замка. В свете фонаря, склонившегося надо мной, ключ тускло отливал нездоровой желтизной.

— Танька! Ты там?

■ — Да, да... я никуда... не собираюсь...

Откуда тут этот ключ и что он отпирает? Я положила находку на ладонь и внимательно рассмотрела ее. Похоже, ключ от входной двери и, как подсказывали мне интуиция и здравый смысл, отпирать он мог только дверь в доме, который сейчас темнел за этой оградой, окруженный заснеженными кустами и деревьями.

— Иванова! Что ты там творишь и куда собралась залезть? — Голос Кирьянова заскребся в динамике, как жук в коробке.

— Кирь, я перезвоню, — рассеянно сказала я и сбросила звонок.

Надо проверить.

Таблетку я поднесла к считывающему устройству на калитке. С легким щелчком дверь немного приоткрылась, заставив мое сердце выпрыгнуть из груди от волнения.

Нет, Одинцовы не болеют. Что-то случилось. Как связка ключей оказалась в этом месте — случайно ли зацепилась или ее нарочно кто-то выронил у калитки, — с этим я буду разбираться потом. Сейчас главное, что у меня есть ключ, и я могу войти в дом. Что я должна делать? Ежу понятно — просто открыть дверь и проникнуть в чужое жилище незаконно. Но выяснить, что происходит, я обязана. Если люди в опасности, моя нерешительность может стоить кому-то жизни. Рассудив таким образом, я набрала номер клиентки. Да, старушка разволнуется, но в данный момент важнее попасть в дом.

Мария Павловна ответила сразу, словно ждала моего звонка с мобильным телефоном в руке:

— Таня?

— Мария Павловна, я у дома вашего сына. Дом с виду пуст, как вы и говорили. Но я нашла какую-то связку ключей у калитки, и, похоже, она от входной двери. Я должна войти и все осмотреть, но по закону не имею права.

— Входите, входите! Господи. — Голос у женщины задрожал. — Боже мой, боже. Я не знаю... Входите. Если что-то случится — я скажу, что вы зашли по моей просьбе.

— В доме есть сигнализация?

— Есть, но Олег включает ее, только когда они с семьей уезжают из страны. В остальное время всегда кто-то есть дома. На всякий случай код отключения я вам сейчас пришлю. Панель прямо за дверью.

— Хорошо.

— Вы же позвоните мне сразу?

Я запнулась. Какая сцена откроется мне за этой дверью?

— Позвоните сразу! — сказала Мария Павловна. — Мне важно знать, что бы ни было.

Помедлив, я решила:

— Хорошо.

В конце концов, если ключи лежали у калитки, значит, велика вероятность того, что в доме нет людей.

Глубоко вдохнув, я отперла калитку и толкнула ее. Кованая дверца с тихим скрипом от-

ворилась, сгребая в сторону нетронутый снег. Я почувствовала, что действительно мерзну, и, уткнув нос в плотный шарф, быстро пошла по дорожке к крыльцу.

* * *

Ключ с тяжелым звуком провернулся.

— Кто-нибудь есть дома? — громко спросила я, оповестив о своем присутствии.

Ответом мне было молчание. Я огляделась и нащупала на стене выключатель. Панель сигнализации под ним молчала.

Итак. Одинцовы никуда не уехали и дом на охрану не поставили.

Яркая люстра в холле осветила широкое пространство. В две стороны — направо и налево — расходились жилые помещения, а передо мной распласталась широкая лестница с деревянными витыми балясинами. Сначала я решила осмотреть первый этаж и, последовательно щелкая выключателями, двинулась налево. Передо мной возникла светлая и просторная кухня-столовая с дорогим обеденным столом и тяжелыми стульями. У окна стоял небольшой угловой диван, на котором были рассыпаны какие-то бумаги. На кухне порядок. Ни грязной посуды в раковине, ни разводов на столешнице. Однако что-то меня насторожило.

Я замерла, прислушиваясь к ощущению. Какая-то деталь смущала. Точно! У дивана лежа-

ла чашка. Кто-то ее уронил и не поднял. Вряд ли такое было в порядке вещей в столь аккуратном и чистом доме. Скорее, это наводило на мысль о том, что кто-то выронил чашку из рук в спешке, панике или от неожиданности.

Я наклонилась, но решила не поднимать предмет: в дальнейшем может выясниться, что дом — место преступления. А в этом случае надлежит оставить все на своих местах.

Вытащив телефон, я сделала пару снимков. Рядом с чашкой на плиточном полу виднелись контуры пятна. Если кто-то пил чай две недели назад, то разлитая жидкость успела бы испариться, оставив точно такие засохшие края.

На стеллаже у стены нижняя дверца была приоткрыта. Заглянув внутрь, я увидела вскрытые пакеты сухого кошачьего корма. Часть содержимого рассыпалась по полке. Один пакет аккуратно надрезан ножницами, остальные разодраны.

— Здесь кот, что ли? — вслух сказала я и в этот момент ощутила легкое прикосновение к своей ноге.

Взвизгнув от неожиданности, я отпрыгнула в сторону и, поскользнувшись на плитке, растянулась на полу, сильно ударившись локтем.

Около открытой дверцы сидел толстый серый кот и глядел в мою сторону с явным недоумением.

— Господи!

Кот был пушистый, с розовым носиком и большими круглыми глазами. Он подошел ко